

УДК 821.111

doi 10.17072/2304-909X-2026-22-5-14

EDN UGIRUH

<https://elibrary.ru/ugiruh>

**ДИАЛЕКТИКА И ПАРАДОКСЫ РОЖДЕНИЯ,
ЖИЗНИ И СМЕРТИ В РОМАНЕ П. БАРКЕР
«МОЛЧАНИЕ ДЕВУШЕК»**

Варвара Андреевна Бячкова¹

к. филол. н., доцент, доцент кафедры зарубежной филологии,
доцент кафедры английского языка для специальных целей
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
bvarvara@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3617-4902>
Дата поступления: 30.05.2026

Статья посвящена роману «Молчание девушек», первому произведению трилогии о Троянской войне П. Баркер (2018). Предметом анализа стали диалектика и парадоксы рождения, жизни и смерти в романе. Как главная героиня романа Брисеида, так и автор рассуждают о том, как тесно связаны и парадоксальны рождение и смерть человека. Смерть кажется более сильным началом, т.к. исходит как от людей, так и от богов и природы, однако воля человека к жизни оказывается все-таки сильнее смерти. Размышления над парадоксами жизни и смерти также становятся важным компонентом выживания героини, ее пути от психологической и социальной смерти к возрождению.

Ключевые слова: Пэт Баркер, «Молчание девушек», рождение, смерть, война.

Роман Пэт Баркер «Молчание девушек» (Pat Barker, *The Silence of the Girls*, 2018) не раз становился объектом пристального внимания как читателей, так и отечественных и зарубежных исследователей. В этом произведении Пэт Баркер, которую заслуженно называют одной из ведущих британских писательниц, продолжает поднятые в более ранних произведениях феминистские темы, а также темы войны, «памяти, психологической травмы, выздоровления и выживания» [Гладкова, Проскурнин 2011: 167]. Если говорить о другой трилогии, принесшей

П. Баркер всемирную известность, «Возрождение» (*Regeneration Trilogy, 1991–1995*), то, по мнению исследовательницы К. Ланон, П. Баркер перерабатывает гомеровский миф, но при этом создает диалог между своими произведениями, разными войнами, эпохами и пр. (см. [Lanone 2020]). Роман также характеризуют как «феминистский римейк» эпического сюжета (см. О. В. Разумовская [Разумовская 2022]), о чем также пишут, например, А. А. Овсянникова [Овсянникова 2024], И. С. Лотова [Лотова 2021], М. Алтин [Altin 2021]. Особенно отмечается вынесенная в заголовок тема «молчания» (см., например, исследования О. Е. Швайликовой [Швайликова 2019]), или литературоведы рассуждают в целом о вкладе П. Баркер в современную репрезентацию древнегреческого мифа и эпоса (см. [Забудская 2022], [Рогачевская 2024], [Манжула 2022]).

Хотя роман является более чем успешной попыткой показать события классической эпической поэмы Гомера глазами женщины, такой эксперимент в литературе сложно назвать новаторским. Попытки изложить мифологические сюжеты с «женской» точки зрения присутствуют не только в литературе XX в. (вспомним К. Вольф и ее романы «Кассандра» и «Медей»), но уходят корнями в античную драматургию (пьесы «Троянки» Еврипида, на которую П. Баркер, несомненно, опиралась, особенно при создании второго романа трилогии (см. об этом [Манжула 2022: 30], [Рогачевская 2024: 135]). Наконец, нам кажется, что даже в оригинальном тексте «Илиады» Гомера женские образы и тема женской судьбы представлены гораздо глубже и сложнее, чем кажется на первый взгляд. В связи с этим, не умаляя высокой художественной и проблемно-тематической ценности романа «Молчание девушек» и огромного труда, проделанного литературоведами, анализировавшими роман, нам хотелось бы указать на другое несомненное достоинство поэтики этого произведения: столкновение и контраст самых разных, порой противоречивых начал и явлений буквально на всех ее уровнях. Мир, в котором оказывается главная героиня, контрастен и противоречив в деталях: Брисеиду, например, поражает сочетание роскоши и грязи в лагере греков (см. [Barker 2019: 36])². На уровне жанра и стиля Пэт Баркер с легкостью переносит нас в мир «Илиады» Гомера: стиль повествования отличается обилием деталей и неспешностью, которые совсем немного уступают знаменитой гомеровской обстоятельности, сюжет романа максимально совпадает с сюжетом гомеровской поэмы, в тексте крайне незначительно число анахронизмов. Но при этом герои произведения говорят на современном разговорном языке, с полным отсутствием языкового барьера между троянцами и греками и пр.

Разумеется, полярность и парадоксальность нашего мира – важные вопросы, которые ставят тематика и проблематика романа.

В этой статье хотелось бы рассмотреть диалектику и парадоксы таких явлений, как жизнь и смерть в романе «Молчание девушек». Уточним, что под рождением мы понимаем не только сам момент появления человека на свет, но начало жизни в целом и все, что с ним связано (детство, образ матери), а смерть мы рассматриваем не только в физическом, но и в метафорическом смысле.

Актуальность и одновременно парадоксальность тем рождения и смерти подчеркивается тем, что в центре повествования оказывается женщина, и с ее точки зрения мы рассматриваем происходящие в романе события. Женщина вдвойне драматично переживает ужасы войны: ее предназначение – дарить жизнь, которая в условиях войны совсем не ценится, о чем читателю напоминают и предсмертные крики совсем юного лирнесского война, зовущего мать [Barker 2019: 17], и описание битвы Ахилла, в котором все убитые им троянцы показаны через воспоминания их матерей [Barker 2019: 214–219]. Поражение и гибель сыновей в битвах означают своего рода смерть для самой женщины-матери. Плен, т.е. потеря статуса, свободы, тоже воспринимается как своего рода смерть. Такие психологические травмы исследовательницы Ф. Фирдаусия и А. Кахьяниг Рахаю называют «патриархальными практиками», жертвой которых становится женщина (см. [Firdausiyah, Rahayu 2025]). Для Брисейды парадокс заключается в том, что, хотя война для нее связана с горем и смертью, она и в мирной жизни несчастна. Ее образ рисуется в контексте идеи о том, что ценность женщины – в материнстве, других средств для самореализации у нее нет. Более того, сын Брисейды должен быть унаследовать трон Лирнесса, его скорейшее рождение было жизненно необходимым, а в отсутствие детей героиня сильно теряла в глазах семьи мужа (см. об этом [Barker 2019: 7–8]). Война же предлагает Брисеиде парадоксальную, хотя и горькую «компенсацию». Штурм Лирнесса греками переворачивает все установки мирного времени: бездетная Брисеида, по крайней мере, освобождена от ужаса и отчаяния матерей, теряющих столь ценных в мирное время мальчиков, поскольку по негласному закону военного времени «только девочкам позволяют жить» [Barker 2019: 5]. Более того, будущие матери, включая Исмену, наложницу супруга Брисейды, подлежат уничтожению за то, что их еще не рожденные дети могут быть мужского пола. Если раньше беременность Исмены представляла угрозу для Брисейды, то теперь она становится поводом для горькой иронии и сочувствия [Barker 2019: 5]. Впоследствии Исмена в романе

не упоминается, из чего читатель может заключить, что она действительно погибла вскоре после взятия Лирнесса, став еще одним символом разрушения города, мирной жизни и оборвавшегося навек царского рода.

Вместе с тем, на протяжении романа Брисеида не раз отмечает парадоксальное превосходство жизни над смертью. Еще более интересные размышления предлагает читателям автор. Например, Брисеиде девятнадцать лет, Троянская война продолжается уже около десяти («Я еще в куклы играла, когда пришли первые черные корабли», – вспоминает она [Barker 2019: 25]). Получается, что Брисеида росла, выходила замуж, надеялась стать матерью, постепенно теряла эту надежду вместе с уважением мужа и его семьи во время войны, а Лирнесс, по сути, был обречен на гибель, то есть героиня переживала по поводу своей бездетности в ситуации, когда, особенно современному читателю, рождение детей могло бы показаться неуместным и неразумным. Тем не менее это так: воспоминания Брисеиды о ее замужней жизни (см [Barker 2019: 7–8]) демонстрируют победу жизни над смертью в сознании людей, которые сражаются, до последнего надеясь на победу, и пытаются сохранять видимость обычной, мирной жизни до самого конца. Возможно, так Брисеида (а вместе с ней и читатели) постигает то, что мы сегодня называем инстинктом самосохранения. В связи с этим ставится другой занимающий героиню вопрос: возможность и необходимость человеку самому лишить себя жизни или согласиться с тем, что ее отнимут другие. Во время штурма Лирнесса Брисеида видит, как многие женщины (например, ее кузина Ариана) бросаются с городских стен [Barker 2019: 16]. Чуть позже она не найдет среди пленниц троянок свою родную сестру (одну из невесток царя Приама) и поймет, что сестра, скорее всего, тоже покончила с собой. Брисеида спрашивает саму себя почему не поступила так же и пока не находит ответа, кроме простого: «Ианта смогла это сделать. Я – нет» [Barker 2019: 316]. Впрочем, инстинкт самосохранения побеждает не только Брисеиду. Троянская царица Поликсена принимает свою участь жертвы богам, но в самый последний момент поддается предсмертному отчаянию (см. [Barker 2019: 314, 317]). Брисеида, судя по всему, предвидит такой исход: изначальное мужество Поликсены она объясняет, не без некоторой доли иронии, ее возрастом и свойственной этому возрасту «неистовости» [Ibid.]. Парадоксальный, но более глубокий «осмысленный» инстинкт самосохранения у самой себя Брисеида обнаруживает, когда в последний момент отказывается бежать в Трою в повозке с телом Гектора. Поначалу героиня просит Приама взять ее с собой, но старый царь отказывается: это небезопасно

и, самое главное – даже Приам убежден, что Троя «падет через несколько недель» [Barker 2019: 283] и кошмар взятия Лирнесса для Брисеиды повторится, только с худшим исходом. Затем она сама забирается в повозку с телом Гектора, но отказывается от своего плана. «Я не знаю, почему вернулась», – скажет она Ахиллу [Barker 2019: 292], но сама будет знать: Приам прав, бежать в Трою – лишь создавать видимость временной свободы.

В античном мире, воссозданном Пэт Баркер, если говорить о дихотомии «жизнь – смерть», крайне интересно положение богов. Как мы помним, древнегреческие боги, что естественно, управляют всеми явлениями и процессами жизни. В «Илиаде» Гомера (как и древнегреческой мифологии в целом) между богами существует гармония: есть Подземное царство Аида и Персефоны (см. [Гомер 1967: 163]), но многократно упоминается, что за сферу рождения отвечает богиня Гера (упоминается ее помощницы – илифии – и пр. (см. [Гомер 1967: 188])). Однако в мире романа «Молчание девушки» создается стойкое впечатление, что боги – это исключительно смертельное начало.

В целом, для героев романа боги – это больше часть культуры, нежели религиозного сознания (более определенно герои будут высказываться об этом во втором романе трилогии «Женщины Трои» (см. [Barker 2021: URL]), однако существование богов мало кто подвергает сомнению. Доказательство существования богов – смерть. Отношение героев к миру мертвых нейтрально, даже напротив: горе и сочувствие вызывает «неправильное» погребение умершего, которое лишает человека возможности войти в Подземное царство, как, например, братьев Брисеиды [Barker 2019: 31] (как мы помним, в «Илиаде» эта мысль тоже высказывается (см. [Гомер 1967: 376])).

А вот смерть – как явление, вызывающее страх, отчаяние и отвращение – это, как ни парадоксально звучит, сфера богов, никак со смертью не связанных. Богам приносятся жертвы (Поликсена и пр.), Аполлон насылает на лагерь греков эпидемию чумы, вняв мольбам жреца Хриса, Гектора обрекает на смерть богиня Фетида, поддержав Ахилла, уверенного, что это будет достойная расплата за смерть Патрокла, и предложившая изготовить сыну новые доспехи для битвы (см. [Barker 2019: 215]). Правда, все эти смерти в равной степени можно посчитать результатом воли людей, а не богов: люди убеждают себя, что богам необходима жертва, чума приходит в лагерь греков как результат антисанитарии, появление Фетиды на морском берегу может быть оптическим обманом (или игрой воображения Брисеиды, как отмечает М. С. Рогачевская 2024: 140), а ее диалог с сыном иметь место тоже только в его воображении. Однако в романе есть неопровержимые доказательства

того, что боги существуют. Это их дары (предметы, появившиеся ниоткуда, например, новые доспехи Ахилла) и, конечно, персонажи-полу-боги.

В романе «Молчание девушек» количество героев – детей богов, по сравнению с «Илиадой» сведено до минимума, однако именно эти персонажи связаны с темой смерти. Елена Прекрасная (как мы помним, дочь Зевса) – символ Троянской войны, ее главная причина и ее главная жертва, ведь в лагере греков убеждены, что после захвата Трои Елене не жить. Последнему не суждено сбыться (как догадывается Брисеида и знают из мифологии читатели), однако у Елены есть еще одна важная роль. Она – хроникер Троянской войны: пусть неправы и несправедливы троянки, считающие, что каждый раз, когда Елена обрезает нить, на поле битвы падает воин, но «гениальные» (по мысли юной Брисеиды) полотна Елены изображают сцены войны, закрепляя память о ней (см. [Barker 2019 129–131]). Сама Елена, будучи несомненно живым человеком, максимально отстраняется от происходящего (во всяком случае – на людях). Она с теплотой относится к Брисеиде, но остается для нее загадкой, как и для всех вокруг. Примечательно также то, что в романе не упоминается дочь Елены Гермiona, материнство Елены могло бы связать ее с темой жизни, но этого не происходит. Возможно, именно положение хроникера войны дает Елене Прекрасной возможность пережить эту войну, чтобы сохранить память о ней.

Еще больше тема смерти связана с образом Ахилла. Враги называют его «мясником» [Barker 2019: 3], а сам он точно знает, что не вернется домой живым [Barker 2019: 113]. Чуть позже читатель узнает, что все это связано с глубокой психологической травмой, пережитой героем в детстве. В «Илиаде» Гомера Фетида рассказывает, что брак с Пелеем совершен не по ее воле, но она любит сына (см. [Гомер 1967: 318]). В романе «Молчание девушек» любовь к сыну не смогла примирить Фетиду с мужем и необходимостью жить среди смертных: как рассказывает Брисеиде Патрокл, она однажды ушла, оставила мужа и маленького сына, навсегда лишив Ахилла полноценной семьи, материнской любви (см. [Barker 2019: 72–73]). Помимо войны у Ахилла есть таланты и интересы, такие как поэзия и музыка (О. Е. Швайликова проводит интересную параллель между Ахиллом и героем «Возрождения» П. Баркер Зигфридом Сассуном [Швайликова 2019: эл. ресурс]), и привязанности (Патрокл, отец), но по-настоящему мирной жизнью он жить не умеет. Тоска по покинувшей его матери навсегда лишила его возможности полноценной мирной жизни, неотъемлемой частью которой является домашний очаг, рождение и женщина. У Ахилла нет семьи: ни создан-

ной до войны (как у Одиссея, например; мать сына Ахилла Пирра в романе не упоминается), ни во время ее (как у Аякса Теламонида). Его отношения с женщинами сводятся к физиологии без духовной близости. Брисеида однажды становится нужна Ахиллу, когда начинает напоминать ему о матери – Фетиде. Героев сближает море. Любопытно, что в то время как Ахилл в море ощущает единение с матерью, Брисеида приходит на морской берег, чтобы ощутить связь с умершими братьями (см. [Barker 2019: 31–33]). Таким образом, герои прикасаются к диаметрально противоположным началам: Ахилл – к рождению, а Брисеида – к смерти. В этом – один из многочисленных символов неспособности Ахилла и Брисеиды полюбить и до конца понять друг друга. Привязанность Ахилла к молодой женщине носит, по мнению героини, характер патологии, как бы мы сказали сегодня («Он не был мужчиной, он был ребенком!... Это была страсть без нежности» [Barker 2019: 44–45]). И хотя определенная теплота в их отношениях появляется (особенно после ссоры Ахилла с Агамемноном, возвращения Брисеиды к Ахиллу и т.д.), полноценной пары, семьи (как мечтает Патрокл) им не суждено создать.

К тому же, если Елене Прекрасной на протяжении всего романа пророчат смерть другие (и этому пророчеству, как мы знаем, не суждено сбыться), то Ахилл сам знает, что ему не вернуться с войны живым. Возможно, именно будучи сыном богини, он обречен на раннюю смерть. Некоторым «окликом» и, возможно, воздаянием за отнятые им жизни, равнодушие к чужому горю (особенно горю матерей, теряющих сыновей на войне), становится для него известие о беременности Брисеиды. Будущий ребенок, которого отец никогда не увидит, – это жизнь, в то время как впереди у Ахилла только смерть («Вдруг оказалось, что *есть* будущее, и, хотя ему в нем нет места, он должен был считаться с ним» [Barker 2019: 302]³). Зная об этом, он спешит позаботиться о Брисеиде и ее ребенке: он, даже уже смертельно раненный, успевает стать свидетелем венчания Брисеиды с его военачальником Алкимом. Так возникает финальный парадокс: смерть Ахилла кардинально меняет жизнь героини, по сути, начиная ее заново. Сама Брисеида еще пока не знает, как относиться к будущему ребенку, к мужу и пр. (над этим героиня будет размышлять во втором романе трилогии), однако она вновь обретает свободу и довольно высокий социальный статус; ее вдруг снова начинают «видеть» и «слышать»: «Я хотела еще раз взглянуть на могильный курган, но один из воинов копьём преградил мне дорогу. «Эй, – сказал кто-то, – Что ты творишь? Это же *жена* Алкима!...И я пошла дальше, к кургану» [Barker 2019: 322]).

Героиня продолжает открывать для себя диалектику и парадоксы жизни и смерти. Думается, на многие вопросы, которые ставит П. Баркер в романе, нет ответа, и речь идет о принятии сложности и противоречивости жизни отдельным человеком, со всеми его травмами, прошлым, несовершенством мира, в котором он живет. Пожалуй, Брисеида в изображении П. Баркер и есть такой человек. В финале романа она ясно видит, что ее история не закончена и у нее есть будущее. Последний небольшой парадокс заключается в том, что на протяжении всего романа читатель постигал историю Брисеиды, в то время как в финале она, возможно, хотя бы частично оправившись от психологических травм, нанесенных ей войной, прощается с читателем словами: «Вот теперь моя история может начинаться» [Barker 2019: 324].

Примечание

¹ Работа над материалом начиналась в соавторстве с к. филол. н., доцентом ПГНИУ Оксаной Владимировной Манжула (1974–2024).

² Здесь и далее перевод наш. – В. Б.

³ Здесь и далее курсив автора. – В. Б.

Список литературы

Гладкова Е. Ю., Проскурнин Б. М. Сюжет и система образов в романе Пэт Баркер "Возрождение" // *Мировая литература в контексте культуры*. 2011. № 6. С. 166–171.

Гомер. Илиада. Одиссея. М.: Художественная литература. 1967. 766 с.

Забудская Я.Л. Древнегреческая трагедия и современный литературный процесс // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2022. Т. 44, № 3. С. 89–96. DOI 10.15393/uchz.art.2022.757.

Лотова И. С. Троянская война как объект изображения в современном литературном пространстве (на примере романа П. Баркер «Безмолвие девушек») // *Мировая литература глазами современной молодежи. Цифровая эпоха : Сборник материалов VII международной молодежной научно-практической конференции*, Магнитогорск, 13–14 октября 2021 года / под редакцией С.В. Рудаковой. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2021. С. 199–203.

Манжула О. В. Художественные особенности романа Пэт Баркер "Безмолвие девушек" // *Мировая литература в контексте культуры*. 2022. № 15 (21). С. 25–32. DOI 10.17072/2304-909X-2022-15-25-32.

Овсянникова А. А. Влияние современных феминистских движений на восприятие древнегреческих мифов // *Студент - Исследователь - Учитель : материалы 25-й Межвузовской студенческой научной конференции*, Санкт-Петербург, 03–17 апреля 2023 года. Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2024. С. 221–223.

Разумовская О. В. Ремейки с женскими именами: переписывание гомеровского канона в современной англоязычной прозе // *Теория жанра и метод в зарубежной литературе: история и современность : сборник научных трудов по*

литературоведению. Материалы участников международного литературного коллоквиума, Москва, 26 октября 2022 года. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Языки Народов Мира", 2023. С. 102–110.

Рогачевская М. С. Античное наследие в диалоге времен: новая трилогия Пэт Баркер о Троянской войне // Романо-германские литературы: традиции и современность : Материалы III Международной научной конференции, посвященной 85-летию филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, 19–21 сентября 2024 года. Минск: Белорусский государственный университет, 2024. С. 132–144.

Швайликова О. Е. Феномен молчания как коммуникативный акт в романе Пэт Баркер "Молчание женщин" // Актуальные проблемы романо-германской филологии и методики преподавания иностранных языков : Материалы IX международной конференции, Гомель, 25 октября 2019 года / Редколлегия: Е.В. Сажина [и др.]. Гомель: Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, 2019. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_42404936_49531228.htm (дата обращения: 03.03.2026).

Altin M. Breaking the Silence: Woman as a Subject in Pat Barker's *The Silence of the Girls* // Journal of the Faculty of Languages and History-Geography. Vol. 61. № 2. 2021. P. 841–863.

Barker P. *The Silence of the Girls*. L.: Penguin books, 2019. 325 p.

Barker P. *The Women of Troy*. [Kindle Edition] L.: Penguin books, 2021.

Firdausiyah F., Rahayu A. C. Patriarchal practice against woman character's in Pat Barker's *The Silence of the Girls* // TANDA: Jurnal Kajian Budaya, Bahasa dan Sastra (e-ISSN: 2797-0477). 2025. Vol. 5, No. 01. P. 1–11. DOI 10.69957/tanda.v5i01.2026.

Lanone C. Pat Barker's *The Silence of the Girls* and the State of Exception // Études Britanniques Contemporaines. № 58. 2020. URL: <https://journals.openedition.org/ebc/8286> (last accessed: 20.04.2026).

DIALECTICS AND PARADOXES OF BIRTH, LIFE, AND DEATH IN P. BARKER'S NOVEL *THE SILENCE OF THE GIRLS*

Varvara A. Byachkova

Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of Foreign Philology,
Associate Professor in the Department of English for Special Purposes

Perm State University

614068, Russia, Perm, Bukirev str., 15

bvarvara@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3617-4902>

Submitted 30.05.2026

The article is devoted to the novel *The Silence of the Girls*, the first work in the trilogy about the Trojan War by P. Barker. The article analyzes the dialectics and paradoxes of the ideas of birth, life, and death in the novel. Both the main character, Briseis, and the author discuss the close relationship and paradoxes between birth and death. Death appears to be a stronger force, as it originates from both humans and gods and nature, but the human will to live is ultimately stronger than death. Reflections on the paradoxes of life and death also become an important component of the main character's survival, her journey from psychological and social death to her re-birth.

Key words: Pat Barker, *The Silence of the Girls*, birth, death, war.

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Бячкова В. А. Диалектика и парадоксы рождения, жизни и смерти в романе П. Баркер «Молчание девушек» // Мировая литература в контексте культуры. 2026. № 22 (28). С. 5–14. doi 10.17072/2304-909X-2026-22-5-14. EDN UGIRUH

Please cite this article in English as:

Byachkova V. A. Dialektika i paradoksy rozhdeniya, zhizni i smerti v romane P. Barker «Molchanie devushek» [Dialectics and Paradoxes of Birth, Life, and Death in P. Barker's Novel *The Silence of the Girls*]. *Mirovaya literatura v kontekste kultury* [World Literature in the Context of Culture]. 2026, issue 22 (28), pp. 5–14. doi 10.17072/2304-909X-2026-22-5-14. EDN UGIRUH